

Живет в Вангажи (Латвия).

НЕТОРОПЛИВЫМ ВЗГЛЯДОМ

Колодец

В крапиве и кустах чертополоха
таится от чужих трухлявый сруб.

На глубину колодезного вздоха
дам опуститься ржавому ведру

и подниму его с водой живою,
в которой навсегда растворены
гудение шмелей в зените зноя,
седая ясность зимней тишины,
шумливая пора яблокопада
(когда ранет и пепинки стучат) –
всё то, чему была когда-то рада,
чем был богат старинный дедов сад.

Нет ковшика и кружки, только руки.
Горсть зачерпну и, погода чуток,
я сделаю тягучий, как разлука,
студёный, зубы ломящий глоток.

Сорвётся в воду, в глубину квадрата
вопрос о том, вернусь ли я сюда
из круговерти жизни хоть когда-то.

Надеюсь, эхо отзовется: «Да».

Мудры и глубоки в колодцах воды,
но вряд ли мой оракул изречёт,
куда уходят эры и народы,
и светел ли за этим светом – тот...

Вешний лёд

Ненадёжным и ломким, как вешний лёд,
стало всё. Неужели и жизнь пройдёт
в ощущении хрупкости вещества,
чувства, словно кто-то вдали позвал,
и нельзя по прозрачной пластине льда
не идти туда.

А над крышей дымок, разожжён очаг.
Только в доме своём ты теперь – в гостях.
там вокзальный колышется ветерок,
шелестя про длиннейшую из дорог,
на гвозде ожидает дорожный плащ,
а покой – щемящ.

Привыкай к мимолётности. Привыкай
к перьевым проносящимся облакам,
к струйкам дыма и ломкому льду весной.
Ты одной с ними сути, судьбы одной.
У событий и мыслей, вещей и чувств

будет ярче вкус.

Кто я?

«Кто-ты, кто-ты?», - часы частят
в час бессонного покоя.
Разобраться бы по частям:
кто я?

Я – река, и над ней туман,
а за ней – огонёк дрожащий,
дятла мартовский барабан
в чаще,
плач дождя, зазеркалье льда,
рябь и прозелень водной дрожи.

Если это не я, тогда
кто же?

Всё, что видела, вобрала,
передумала, ощутила:
холод страха, любви смола,
сила,
книги – золота золотей,
в старых трёпанных
переплётах –
не один только груз костей,
плоти...

Вседержитель, топча траву
у эдемского водопада,
чиркнул спичкой, и я живу.
Рада.

[Страница автора в сети](#)

